

Демографические вызовы для экономики КНР

Дмитрий Александрович Изотов,

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник

Института экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск.

E-mail: izotov@ecrin.ru

Екатерина Леонидовна Мотрич,

доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск.

E-mail: motrich@ecrin.ru

На основе данных международной и китайской статистики показано, что сочетание процесса урбанизации с политикой ограничения рождаемости в КНР способствует старению китайского населения, удорожанию и росту качественных характеристик рабочей силы, а также её дефициту в некоторых отраслях экономики. Определено, что главным вектором межрегиональной миграции Китая является перемещение из внутренних регионов в некоторые приморские агломерации с высоким уровнем благосостояния. Выявлено, что истощение дешёвой молодой рабочей силы в сельских районах КНР, по причине её оттока в города и суженного воспроизводства населения, в перспективе вызовет сокращение внутренней миграции, а также рост импорта дешёвой рабочей силы из развивающихся азиатских стран в крупнейшие китайские приморские агломерации. Тренд внешней миграции показал, что мигранты из КНР предпочитают в основном развитые страны, уровень жизни в которых значительно превосходит китайский. Российское направление для китайских мигрантов не является приоритетным и продолжает терять свою привлекательность. В долгосрочном периоде массовая миграция китайского населения в Россию представляется маловероятной.

Ключевые слова: миграция, урбанизация, регион, политика рождаемости, население, рабочая сила, заработная плата, ВВП, КНР, Россия.

Demographic Challenges of the Chinese Economy.

Dmitry A. Izotov, PhD in Economics, Senior Research Fellow, Economic Research Institute, FEB RAS, Khabarovsk.

Ekaterina L. Motrich, Dr. Sc. (Economics), Chief Researcher, Economic Research Institute, FEB RAS, Khabarovsk.

The authors showed that the combination of the urbanization process with the policy of birth control in China promotes aging of the Chinese population, cost of labor and the growth of the qualitative characteristics of the workforce, and its shortages in some sectors of the Chinese economy. The authors determined that the main vector of interregional migration in China is moving from the inner regions to the coastal agglomerations with a high level of welfare. The study revealed that the exhaustion of cheap young labor force in rural areas of China, due to its outflow into the city and narrowed reproduction of the population, in the long term will cause the reduction of internal migration and the growth of imports of cheap labor from developing Asian countries in major Chinese coastal cities. In accordance with the trend of external migration, migrants from China prefer mainly developed countries, which have a standard of living higher than in China. It was proved that Russia for the Chinese people is not a priority destination for migration and it continues to lose its advantage. The authors conclude that in the long term the mass migration of the Chinese population in Russia is unlikely.

Key words: migration, urbanization, region, politics of fertility, population, labor force, wages, GDP, China, Russia.

ВВЕДЕНИЕ

В течение последних трёх десятилетий Китай — крупнейшая по численности населения страна в мире — характеризуется одними из самых высоких темпов экономического роста, что позволило ему по масштабам экономики занять второе место в мире после США. Быстрый рост китайской экономики способствовал массовому сокращению бедности в Китае (более чем на 500 млн чел. в течение трёх десятилетий [19]).

По мере тесной интеграции Китая с мировыми рынками товаров и капиталов китайская экономика стала оказывать серьёзное воздействие на развитие глобальной экономики, став одной из главных её движущих сил. Но по мере роста масштабов китайская экономика стала сталкиваться с различного рода ограничениями дальнейшего поступательного развития. Анализ и оценка факторов экономического развития и роста Китая являются предметом значительного интереса как со стороны представителей исследовательского сообщества, так и глобального производственного и финансового секторов, которые главным образом изучают изменения в макроэкономической политике, поведение отраслевых рынков, динамику внешней конъюнктуры, а также структурные проблемы китайской экономики. При этом изучение воздействия демографических процессов на китайскую экономику находится в тени, что является довольно странным, поскольку наличие дешёвых трудовых ресурсов стало основой для построения современной модели китайской экономической системы.

Значительные экономические преобразования, связанные с реализацией рыночных реформ и осуществлением политики открытости, способствовали интенсификации внутренней и внешней миграции китайского населения, вызвав, с одной стороны, масштабную урбанизацию в КНР, с другой — рост перемещений граждан Китая за границу [11; 34; 39].

Можно предположить, что, согласно модели А. Льюиса [32], Китай переходит в качественно другое состояние — от избытка трудовой силы к её дефициту. Поскольку дешёвая рабочая сила используется в экспортных производствах, а чистый экспорт является одним из главных факторов быстрого экономического роста КНР, то демографические процессы в КНР способны стать одним из главных факторов, негативно влияющих на рост китайской экономики в долгосрочной перспективе.

Рост интенсивности экономических взаимодействий между Россией и КНР послужил возникновению повышенного интереса у российских исследователей к изучению китайских демографических проблем, в том числе с точки зрения возможности привлечения китайской рабочей силы в традиционные отрасли специализации российской экономики [2; 4; 5; 6]. Можно предположить, что демографические трансформации в КНР могут негативно отразиться на привлечении китайской рабочей силы в Россию.

1. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ КНР И ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ИХ ФАКТОРЫ

Основными факторами, оказывающими воздействие на демографическую структуру китайского населения, являются урбанизация, политика ограничения рождаемости («политика одного ребёнка»), масштабная внутренняя миграция. Эти факторы определяют различного рода трансформации как в структуре трудовых ресурсов, так и населения КНР в целом.

Увеличение численности городского населения является естественным процессом экономического развития Китая. Создание на базе городов промышленного производства, осуществление экспортноориентированной стратегии экономического развития, рост инвестиционных вложений в городскую инфраструктуру способствовали ускорению урбанизации Китая. В результате с 2011 г. городское население в КНР по численности превышает сельское (рис. 1).

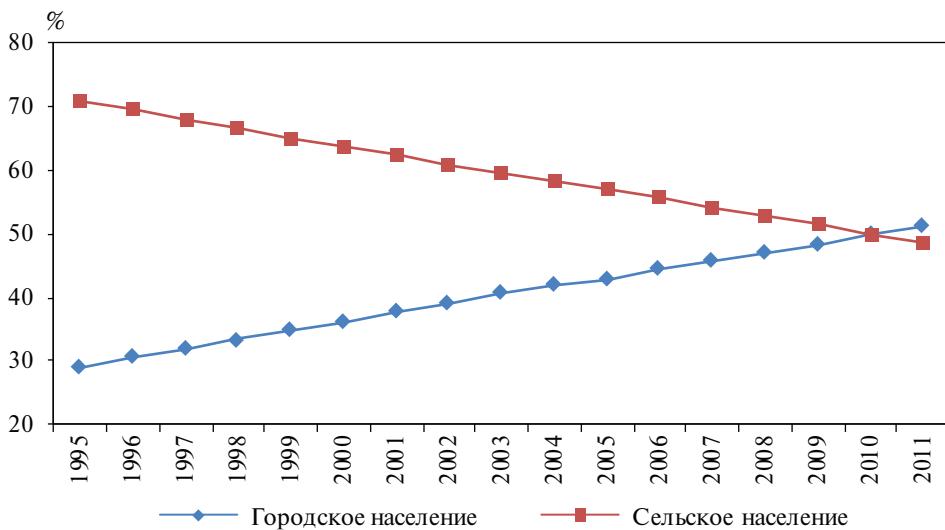

Рис. 1. Распределение населения КНР между городом и селом, %. Рассчитано по: [9]

Главный источник роста городского населения — сельские мигранты. С начала 1980-х гг. городскими жителями стали 200—250 млн крестьян [11]. Размер данной миграции во второй половине 2000-х гг. оценивается в 144 млн чел. [20, р. 23].

Урбанизация в Китае не является чем-то уникальным с точки зрения опыта развивающихся трудоизбыточных стран. Согласно одному из положений модели А. Льюиса [32], в трудоизбыточной развивающейся стране процесс урбанизации способствует удорожанию рабочей силы, что влечёт за собой миграцию избыточной рабочей силы из сельской местности в города.

Исходя из модели А. Льюиса, китайская экономика уже достигла «точки невозврата» в своём развитии. Рост спроса на рабочую силу также способствует миграции сельских жителей в города. Во-первых, об этом свидетельствует опережающий рост заработной платы в городах по отношению к сельской местности (рис. 2).

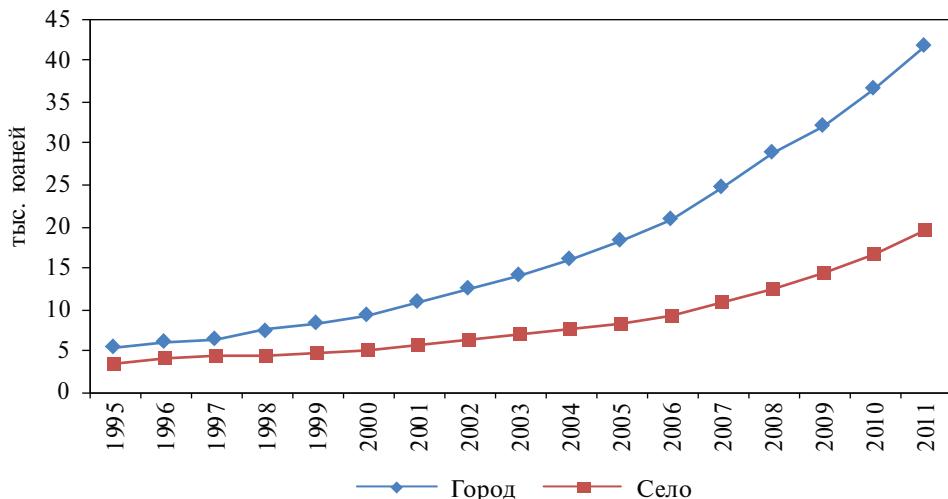

Рис. 2. Соотношение средней заработной платы между городом и селом КНР.

Источник: [9]

Во-вторых — истощение избыточной для села рабочей силы, мигрирующей в города. Этот процесс возможно отследить по динамике соотношения спроса и предложения на рынке труда в городах. С 2010 г. в городах Китая наблюдается превышение спроса на рабочую силу над её предложением. При этом безработица, которая, вероятно, является естественной (4% от численности трудоспособного населения), в китайских городах остаётся сравнительно стабильной — на уровне 9,1—9,2 млн чел. (рис. 3).

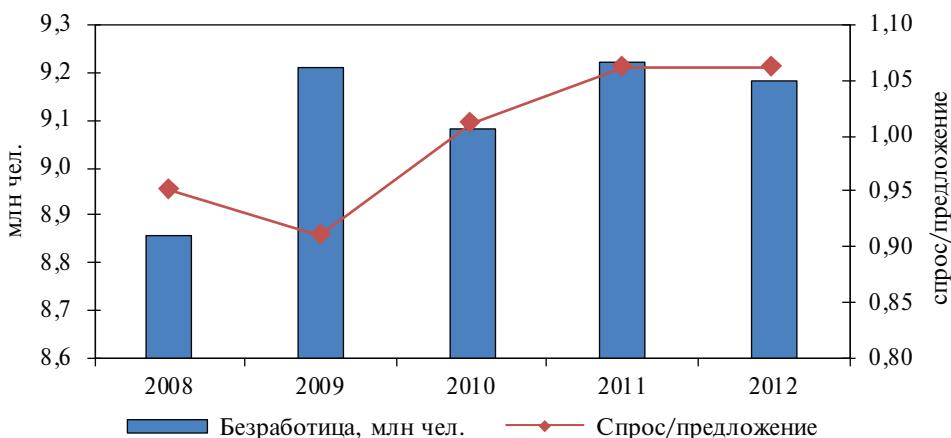

Рис. 3. Безработица и отношение спроса к предложению на рабочую силу в городах КНР. Источник: [9]

Миграция из сельской местности в города увеличивается вслед за ростом оплаты неквалифицированного труда, вовлекая в данный процесс всё больше молодых людей трудоспособного возраста из сёл, большинство из которых планируют постоянно проживать в городах [43]. С 2008 г. размер заработной платы временных мигрантов из сельской местности в китайских городах более чем в два раза превышает минимальный размер оплаты труда в КНР (рис. 4).

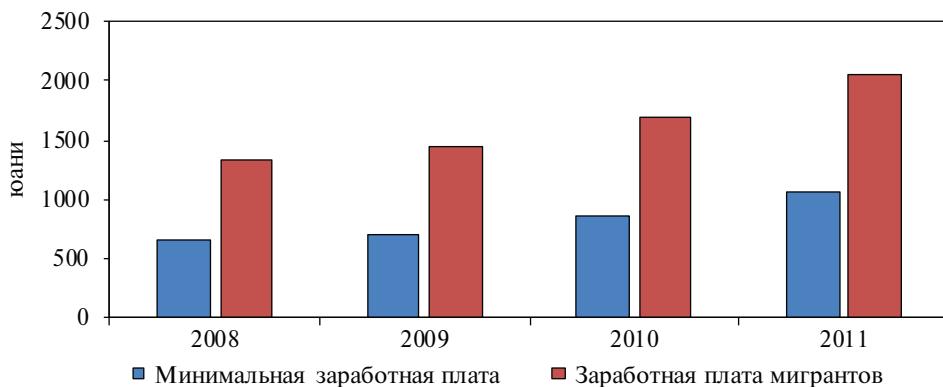

Рис. 4. Размер среднемесячной минимальной зарплаты и заработной платы мигрантов КНР. Источник: [9]

Заметим, что одной из причин дефицита неквалифицированной рабочей силы в городах являются административные барьеры для свободного перемещения сельских жителей в агломерации. С этой точки зрения рынок труда в КНР характеризуется не только истощением избыточного труда в сельской местности, но также дискриминацией и сегментацией¹. Согласно оценкам [23], в случае сокращения институциональных и директивных барьеров внутренний миграционный поток Китая может увеличиться вдвое: со 150 до 300 млн чел. Административным фактором, сдерживающим свободную миграцию в КНР, является институт прописки (*hukou*), который в первоначальном варианте (в 1950-е гг. — начало 1980-х гг.) задумывался для предотвращения несанкционированного перемещения трудовых ресурсов в пространстве страны в условиях директивной экономики [31; 39]. В настоящее время институт прописки формально не налагает ограничений на миграцию, но оказывает дискриминационное воздействие другого рода. Наличие прописки гарантирует для жителей КНР доступ к различным социальным услугам: престижная работа, образование, здравоохранение, коммунальные услуги, пособие по безработице, бесплатный проезд на общественном транспорте для лиц

¹ Сегментация рынка труда рассматривается как увеличение разрыва по доходам между квалифицированными городскими жителями («белые воротнички») и неквалифицированными мигрантами.

пенсионного возраста, повышенная пенсия, доступ к субсидируемому рынку жилой недвижимости и т.д. [41, р. 682].

По сравнению с началом 2000-х гг., в начале 2010-х гг. разрыв в среднедушевых расходах на услуги здравоохранения между городской и сельской местностью Китая немного сократился: с 4 раз в 2002 г. до 2 раз в 2011 г. (рис. 5).

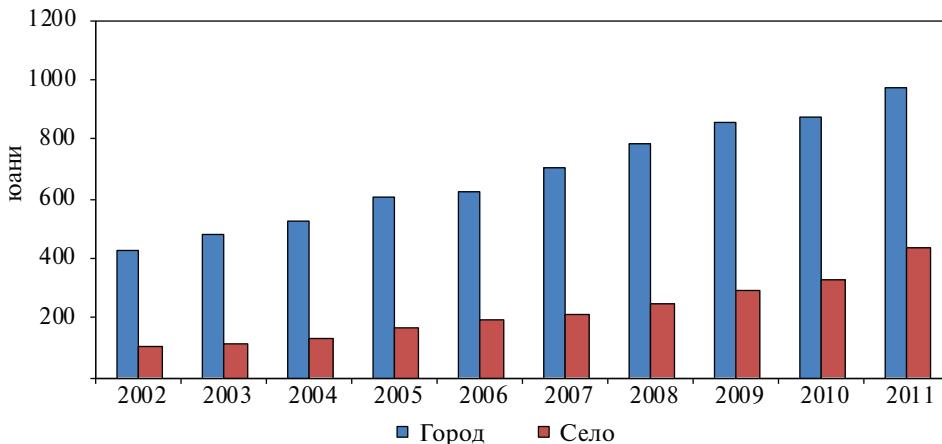

Рис. 5. Среднедушевые расходы на здравоохранение в городах и сельской местности КНР. Источник: [9]

Возможным объяснением сокращения этого разрыва являются переводы денежных средств от работающих в городах мигрантов своим близким родственникам в сельской местности. И всё-таки отсутствие прописки для мигрантов в месте проживания зачастую обрекает их на получение наименьших доходов и увеличение расходов на проживание в городах [15]. Несмотря на некоторые ограничения, связанные с институтом прописки, временное население в городах Китая², не имеющее прописки, увеличилось с 39,6 млн чел. с начала 1990-х гг. до 149,4 млн к середине 2000-х гг. и до 221 млн чел. в 2010 г. соответственно — преимущественно за счёт мигрантов — выходцев из сельской местности. По состоянию на середину 2012 г. численность мигрантов из сельской местности составляла 166,7 млн из 230,0 млн чел. временного населения в городах КНР [13]. Временное население КНР на 2/3 формируется из внутрирегиональных мигрантов, остальная часть — из межрегиональных мигрантов в крупные приморские агломерации [10, р. 5].

² Размер временного населения больше, чем межрегиональной временной миграции. Временное население определяется на основе института прописки вне зависимости от времени. Однако часть временного населения может поменять место текущего проживания в течение пяти лет. Временное население включает в себя временных и постоянных мигрантов. Временные мигранты не отказываются от своей прежней прописки и мигрируют из одного региона в другой в течение пятилетнего срока. Постоянные мигранты не меняют свою прописку, но проживают постоянно в другом месте. Подробно: [39, р. 4].

Одной из главных проблем создания свободного рынка труда в КНР является неразвитость рынка социальных услуг и связанные с ней коррупционные издержки. В ряде исследований утверждается, что система прописки в КНР значительно сдерживает экономическое и социальное развитие страны [11]. Существуют исследования, в которых утверждается, что система прописки в КНР является экономически неэффективной, поскольку тормозит естественный рост квалифицированного труда. Для решения этой проблемы необходима долгосрочная стратегия развития более технологичных сфер экономической деятельности, рост расходов на образование, а также снижение административных барьеров для внутренних мигрантов [30, р. 599].

В некоторых исследованиях подчёркивается, что, согласно официальной статистике, безработица в КНР является заниженной, поскольку отслеживается только по городскому населению с пропиской и не включает в себя временное население. Например, в конце 2008 г. безработица среди временного населения достигала 16%, хотя официальная статистика по городам фиксировала безработицу на уровне 4% [13, р. 197]. Кроме того, в ряде работ [36, р. 108] доказывается, что статистика по безработице в китайских городах занижена как минимум в два раза, поскольку не учитывает временную безработицу. Доказательством занижения официальной статистики по безработице КНР является и то, что некоторые безработные не регистрируются в службах занятости и соответственно не отражаются в китайской официальной статистике [35, р. 20].

Как правило, из сельской местности эмигрирует молодое, экономически активное поколение (до 40 лет). К тому же институциональные барьеры, препятствующие свободной миграции, а по сути дела, процессу естественной урбанизации КНР, способствуют «обратному» оттоку временных мигрантов в сельские поселения, которые возвращаются обратно при накоплении определённой суммы средств. При возвращении эти граждане зачастую используют накопленные средства как капитал для создания собственного бизнеса, играя, таким образом, ключевую роль в экономическом развитии тех территорий, где они имеют прописку [41, р. 682]. К тому же, в связи с ослаблением налогового бремени на крестьян, распределением педагогических кадров в сельские районы и созданием новых рабочих мест во внутренних регионах, ростом цен на жилую недвижимость, а также товаров и услуг в крупных городах, только рост заработной платы в городах может сдержать возвращение мигрантов в сельскую местность. Текущая политика КНР по субсидированию крестьянских хозяйств, занимающихся выращиванием зерновых, сдерживает временную миграцию сельских жителей в города [37].

Одним из мотивов переселения молодёжи из сёл в города, кроме денежного вознаграждения за работу, служит неразвитость в китайской сельской местности системы государственного пенсионного обеспечения

и мер социальной защиты. Несмотря на то, что между средним размером пенсии в городской и сельской местностях не наблюдается серьёзного разрыва (78 юаней в городах и 57,5 юаней на селе в месяц по состоянию на 2011 г.), только работа в городах даёт возможность получать высокую пенсию (2914 юаней для госслужащих, 1558 юаней для служащих прочих общественных организаций, 1632 юаня для работников предприятий) [42, р. 27].

С 2000-х гг. качество китайской рабочей силы постепенно растёт. Увеличивается число людей с высшим образованием, которые, в свою очередь, рассчитывают на высокую заработную плату и достойные условия жизни для себя и своих близких родственников. Число выпускников высших учебных заведений КНР в 2000-е гг. росло практически экспоненциально и увеличилось более чем в 4 раза: с 5,6 млн чел. в 2000 г. до 23,1 млн в 2011 г. (рис. 6).

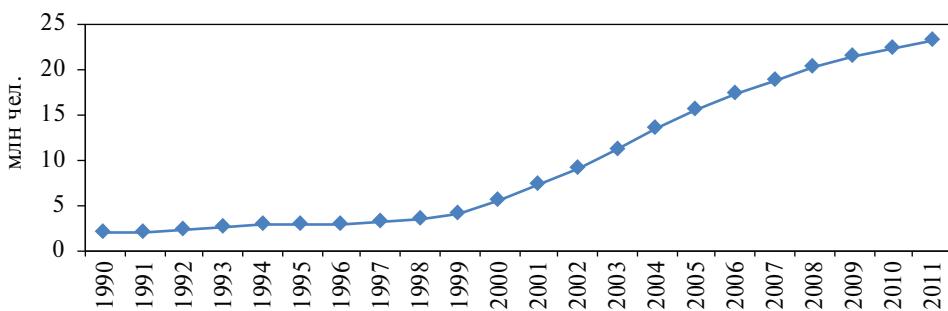

Рис. 6. Число выпускников вузов КНР, млн чел. Источник: [9]

Помимо этого, происходит также увеличение выпускников профессиональных технических учреждений и средних образовательных школ. Повышение образовательного ценза ведёт к постепенному сокращению неквалифицированных работников на рынке труда Китая в городах.

Помимо процесса урбанизации на динамику населения КНР и состояние рынка рабочей силы оказывает влияние «политика одного ребёнка» на одну семью, которая реализуется в Китае с 1979 г. Результатом данной политики стала тенденция сокращения среднего числа рождений на одну женщину репродуктивного возраста (коэффициент фертильности), что наряду с урбанизацией способствует постепенному сокращению темпов прироста китайского населения, несмотря на существенные различия применения данной политики в зависимости от регионов и этнических групп [33, р. 50] (рис. 7).

«Политика одного ребёнка» и процесс урбанизация способствуют изменению возрастной структуры китайского населения, а именно — его старению. Так, доля возрастной группы до 15 лет сократилась с 25,9% в 1996 г. до 15,5% к 2011 г., а доля населения пенсионного возраста увеличилась с 10,6% до 15,0% соответственно (рис. 8).

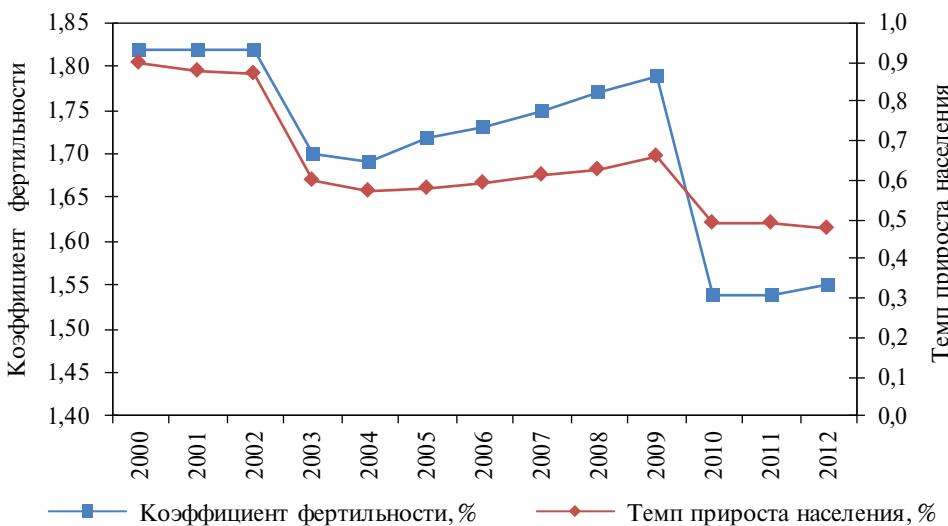

Рис. 7. Темпы прироста населения и коэффициент фертильности КНР, %.

Источник: [9; 27].

Примечание: коэффициент фертильности менее двух детей на одну женщину способствует сокращению населения и его старению

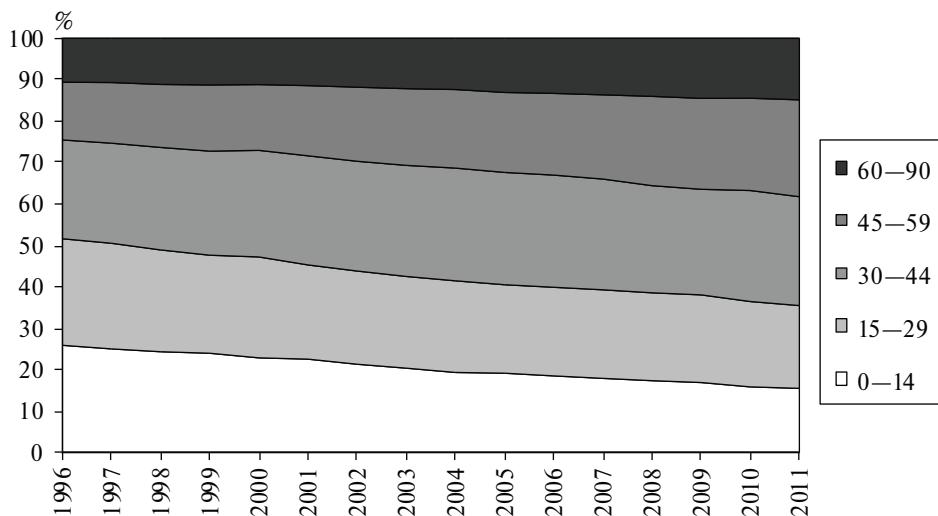

Рис. 8. Структура населения КНР по возрастным когортам. Рассчитано по: [9]

По предварительным оценкам, около 70,0% [34, р. 305] престарелых людей в Китае проживает в сельской местности, что объясняется широкомасштабной миграцией молодёжи в города. Ввиду особых внутрисемейных отношений, характерных для азиатских стран [38], китайская молодёжь, которая мигрирует в города, сохраняет тесные связи с пожилыми родителями, оказывая им финансовую поддержку [34].

Ожидается [19], что наложение «политики одного ребёнка» с процессом урбанизации и диспропорциональностью половой структуры населения репродуктивного возраста КНР (с преобладанием мужчин), приведёт к значительному сокращению численности трудоспособного населения Китая в течение ближайших двух десятилетий. Согласно официальным оценкам, в возрастной структуре китайского населения доля людей старше 60 лет к 2053 г. достигнет 35,0% (487 млн чел.) [17].

В некоторых исследованиях отмечается, что реализация «политики одного ребёнка» при всех её отрицательных последствиях для долгосрочного поступательного развития китайской экономики, тем не менее, способствует повышению качественных характеристик китайского населения [33]. Однако необходимо учитывать тот факт, что распределение оплаты труда и доходов в целом происходит в КНР крайне непропорционально между различными группами населения, увеличивая неравенство между ними [24].

2. ОСОБЕННОСТИ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ МИГРАЦИИ КИТАЯ

В основе административного деления КНР лежит трёхступенчатая система, высшим её уровнем является провинция. Границы провинций являются довольно устойчивыми, чему способствует их определённая географическая целостность, наличие специфических производственных навыков населения, тяготение к собственному, издревле сложившемуся экономическому центру, особенности исторических традиций и уклада жизни, значительные языковые отличия [1]. Помимо 22 провинций верхний уровень административно-территориального устройства формируют 5 автономных районов (AP)³ и 4 города центрального подчинения (ГЦП)⁴. Провинции, АР и ГЦП являются базовыми административными единицами страны и именуются регионами⁵. На сегодня в Китае насчитывается 31 регион (рис. 9).

Одним из наиболее важных аспектов перемещения китайского населения внутри страны является межрегиональная миграция. Быстрый

³ АР Внутренняя Монголия, Гуанси-Чжуанский АР, Тибетский АР, Нинся-Хуэйский АР, Синьцзян-Уйгурский АР.

⁴ Города центрального подчинения Китая: Пекин, Тяньцзинь, Шанхай, Чунцин.

⁵ Согласно Конституции КНР, государство при необходимости может учреждать особые административные районы (OAP), непосредственно подчиняющиеся центральному правительству. Кроме провинций АР и ГЦП в конце 1990-х гг. в КНР были образованы OAP страны — Сянган (Гонконг) и Аомынь (Макао), формально имеющие региональный статус. Вместе с тем на информации в статистических сборниках этот факт никак не отразился: информация по ним приводится отдельно, наряду с Тайванем (который КНР также «формально» считает своей провинцией). Поэтому из дальнейшего рассмотрения они будут исключены.

Рис. 9. Карта административно-территориального деления КНР.

Примечание: серым цветом выделены приморские регионы

рост китайской экономики способствовал увеличению оплаты как квалифицированного, так и неквалифицированного труда, а также существенной аккумуляции рабочей силы в пространстве страны [25]. Основными источниками неравенства по доходам в КНР являются форма собственности (чем больше доля госсектора, тем доходы ниже) и интеграция китайской экономики с глобальным рынком товаров и капиталов [44]. С точки зрения территориального размещения, экспортный сектор китайской экономики сконцентрирован в приморских регионах [3]. Вследствие этого, со второй половины 1990-х гг. стала наблюдаться пространственная кластеризация внутренних миграционных потоков КНР.

Главным вектором межрегиональной миграции является перемещение из внутренних регионов в некоторые приморские: Гуандун, Чжецзян, Цзянсу и ГЦП Шанхай [39, Р. 4], генерирующие порядка 90,0% китайского экспорта (рис. 10). Численность межрегиональных мигрантов увеличилась с 32,3 млн чел. в 1995—2000-х гг. до 38 млн в 2000—2005 гг. и до 55,2 млн в 2005—2010 гг. [13, р. 194].

Основным источником межрегиональной миграции КНР выступает население ряда внутренних регионов: Сычуани, Чунцина, Хунани, Хэнани, Хунани, Аньхоя, Цзянси и Гуанси-Чжуанского АР. В результате данных миграционных потоков образовалась устойчивая пространственная

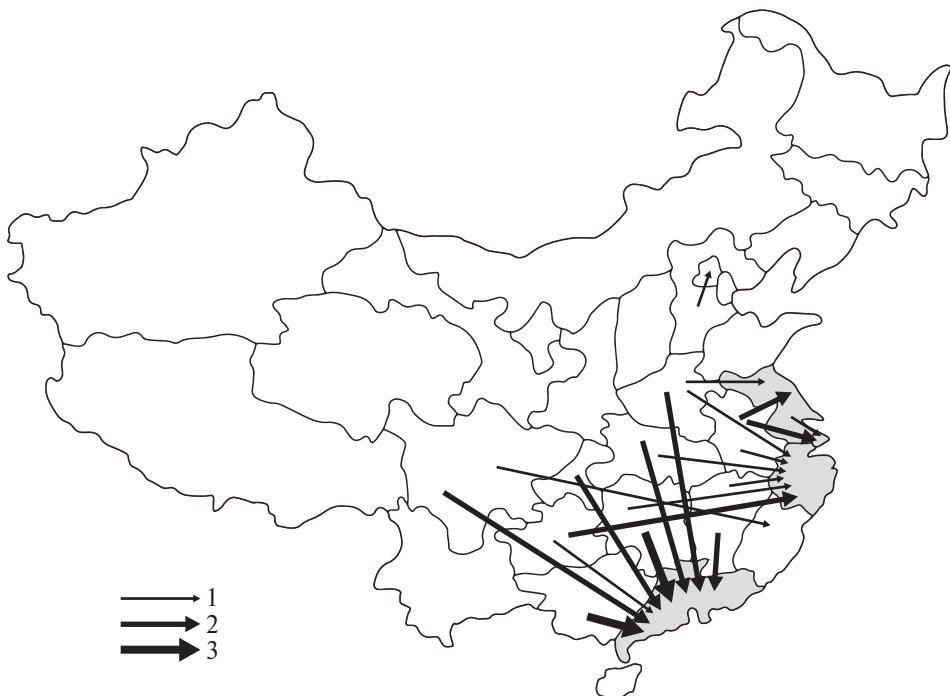

Рис. 10. Крупнейшие межрегиональные миграционные потоки КНР, 2005—2010 гг.

Источник: [13, p. 196].

Примечание: 1 — 0,5—1 млн чел.; 2 — 1—2 млн чел.; 3 — 2—3 млн чел.

экономическая структура из трёх огромных агломераций (Пекин, Шанхай и Гуанчжоу), вовлекающих всё большее количество китайских мигрантов из внутренних регионов Китая [8]. В китайских приморских городах, экономика которых ориентирована на экспорт трудоёмкой продукции, доля мигрантов достигает 70—80% от общей численности рабочей силы [10, p. 1].

Анализ показывает, что чем выше оплата труда в том или ином регионе Китая, тем, как правило, большим положительным сальдо миграции он характеризуется (рис. 11).

Средний доход рабочих во внутренних регионах КНР ниже, чем в приморских [16]. Исключением выступают экономически отсталые западные регионы Китая (Тибет, Нинся, Цинхай) с высокими заработными платами, формирующими за счёт надбавок из государственного бюджета.

Анализ межрегиональной миграции позволяет объяснить источник упоминаемой выше проблемы дефицита рабочей силы в КНР. Дефицит приходится преимущественно на молодую рабочую силу (16—30 лет), что связано с особенностями производственного процесса на предприятиях, работающих на экспорт, расположенных, как правило, в приморских регионах. В то же время, излишек рабочей силы характерен для возрастной когорты старше 35 лет. По мере всё большего проявления в Китае

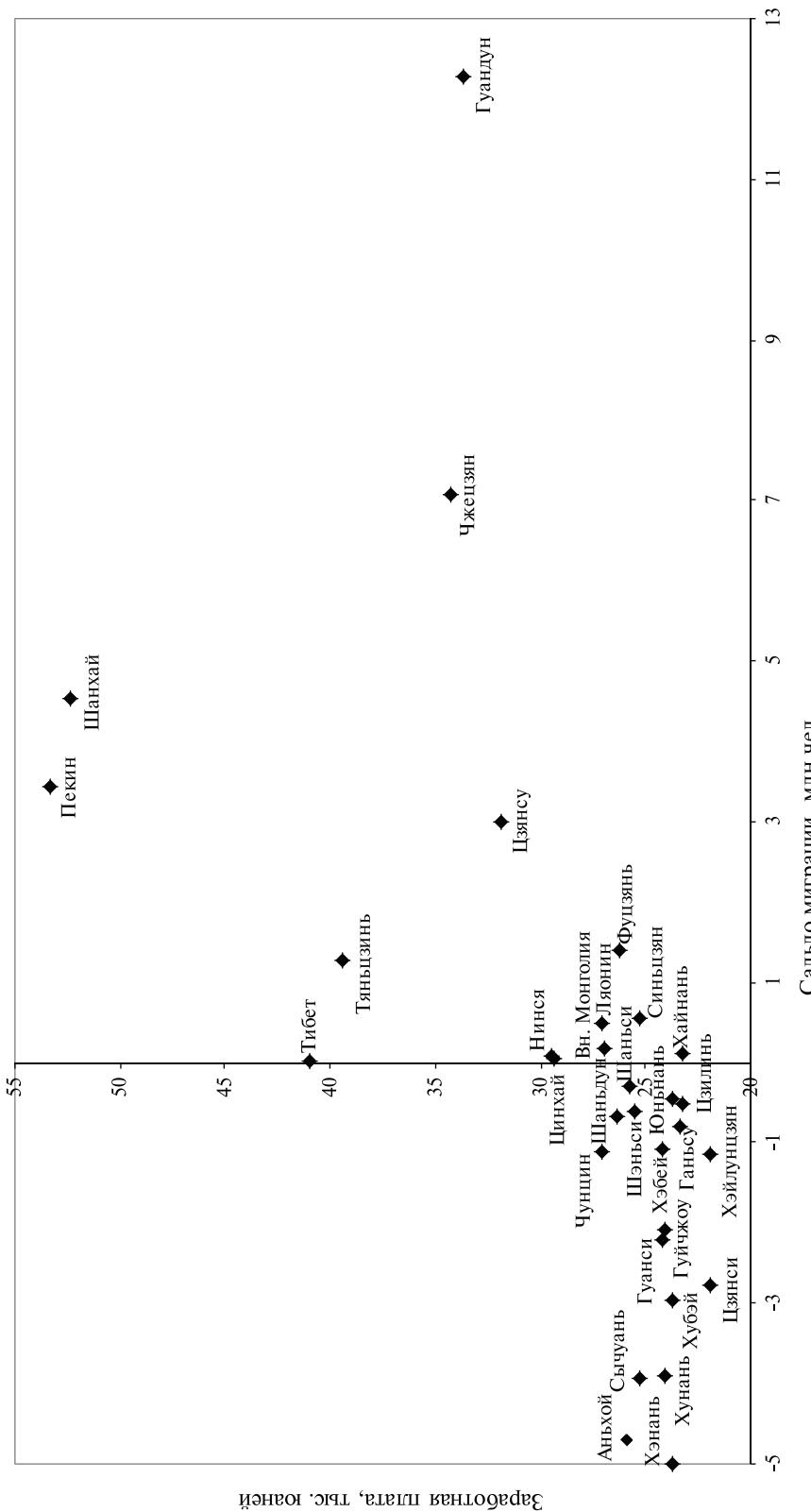

Рис. 11. Средняя зарплата и сальдо внутренней миграции по регионам КНР в 2005–2010 гг. Источник: [9; 13]

процесса старения населения дефицит на трудовые ресурсы молодого возраста в китайской экономике только увеличивается. По этой причине следует ожидать сокращения как межрегиональной миграции, так и временного населения в приморских городах КНР. Следует также добавить, что «второе поколение мигрантов», как правило, не имеет мотивации работать на трудоёмких экспортных производствах. Проблема недостатка молодой рабочей силы в КНР уже частично решается за счёт привлечения мигрантов из других азиатских стран, в частности, в провинцию Гуандун едут молодые люди из Вьетнама [13, pp. 197—199].

Чем выше уровень образования у мигрантов, тем более избирательны они в своём миграционном выборе, предпочитая регионы с высоким уровнем человеческого капитала, ещё больше увеличивая региональное неравенство в Китае, поскольку квалифицированные работники повышают свою квалификацию через механизмы внешнего воздействия, а квалификация прочих работников в других регионах остаётся на прежнем уровне. Считается [21, p. 480], что процесс пространственной концентрации человеческого капитала оказывает положительное воздействие на темпы экономического роста КНР.

По мере ослабления административных барьеров на перемещение населения внутри страны, Китай может столкнуться с существенным оттоком населения из тех или иных регионов. Подчёркивается [12], что во избежание этого процесса в Китае должны быть созданы вокруг небольшого количества крупнейших городов малые городские центры районного уровня. На справедливость реализации данного сценария указывает уже сложившаяся современная тенденция по перемещению промышленного производства из крупнейших агломераций КНР, в которых остаются штаб-квартиры корпораций, а также деловая и финансовая инфраструктура, в другие города Китая. Имеются предположения [22], что в связи с ростом заработных плат в приморских регионах трудоёмкие производства будут переноситься в города, расположенные во внутренних регионах КНР, где затраты на проживание сравнительно низкие.

Тем не менее модель межрегиональной миграции в Китае является довольно устойчивой. Опыт китайского правительства при реализации пакета мер для нивелирования последствий мирового кризиса 2008—2009 гг. по созданию рабочих мест во внутренних регионах КНР с целью трудоустройства временных мигрантов из приморских провинций [13, p. 197] показал, что к началу 2009 г. половина из них осталась в городах, соответственно, другая часть вернулась в сельские поселения по месту прописки. Затем многие из уехавших в сельские поселения всё-таки вернулись в города, и большая часть из них нашла работу. Те работники, которые остались в сельской местности, как правило, не смогли найти для себя работу в рамках краткосрочного периода [14]. Реализация инвестиционных

проектов способствовала закреплению лишь малой части временного населения приморских городов во внутренних регионах КНР.

В некоторых исследованиях доказывается [29], что существующая модель размещения экономической деятельности в пространстве КНР на текущем этапе будет способствовать росту неравенства по доходам (по коэффициенту Джини), затем будет наблюдаться сокращение неравенства. Иначе говоря, случай КНР не является уникальным с точки зрения соблюдения закономерности постепенного снижения неравенства в условиях доступа к свободному рынку, что характерно для развитых стран [18].

Таким образом, межрегиональная миграция является одним из главных источников высоких темпов роста китайской экономики. Главный вектор межрегиональной миграции КНР — перемещение населения из внутренних регионов в приморские, являющиеся экспортной базой Китая. Однако в приморских регионах складывается дефицит на дешёвую молодую рабочую силу. По причине старения китайского населения в долгосрочной перспективе следует ожидать сокращения как межрегиональной миграции, так и численности временного населения в приморских городах КНР. Данная проблема, вероятно, будет решаться за счёт импорта дешёвой рабочей силы из азиатских стран.

3. ТЕНДЕНЦИИ ВНЕШНЕЙ МИГРАЦИИ КНР

Глобальная межстрановая миграция, численность которой постоянно увеличивается, достигнув к 2013 г. 232 млн чел. [7], зависит от множества факторов и характеризуется значительной волатильностью. Как показывает предварительный анализ, при прочих равных условиях глобальный вектор иммиграции преимущественно определяется: относительно высоким уровнем жизни, характеризующимся реальным среднедушевым размером ВВП; возможностью трудоустройства и получения доступа к различным социальным услугам (образование, здравоохранение и т.д.) [26].

Размер внешней миграции КНР гораздо меньше миграции внутренней. Статистика ООН указывает на тот факт, что за 1990—2013 гг. доля Китая в общей численности международных мигрантов⁶ составляла 4,0% (9,3 млн чел.). За последние годы отток населения из Китая увеличился. За 2010—2013 гг. Китай занимал второе место по числу международных мигрантов (0,58 млн чел.), уступая Индии (0,74 млн) и опережая Мексику (0,47 млн). Что касается миграции в Китай, то численность

⁶ Численность международных мигрантов в ООН оценивается по данным переписей, регистров населения и репрезентативных выборочных обследований. К международным мигрантам относят в первую очередь тех, кто родился за пределами страны постоянного проживания, а при отсутствии такой информации — иностранцев, или граждан стран, отличных от страны постоянного проживания.

прибывших граждан в 1990—2013 гг. составляло 0,84 млн чел., увеличившись за 2010—2013 гг. почти на 0,1 млн.

Статистика ООН показывает, что за 1990—2013 гг. Гонконг и США абсорбировали большинство китайских внешних мигрантов (почти половина численности чистой миграции из КНР). Также большой популярностью у китайских мигрантов пользовались такие развитые страны, как Республика Корея, Япония, Канада, Австралия, Сингапур, страны

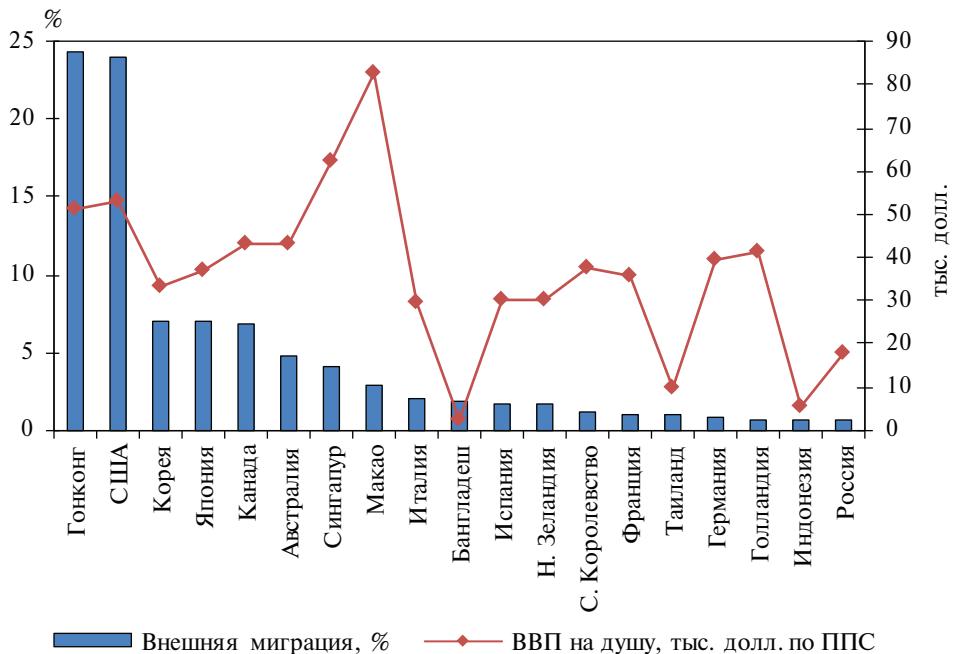
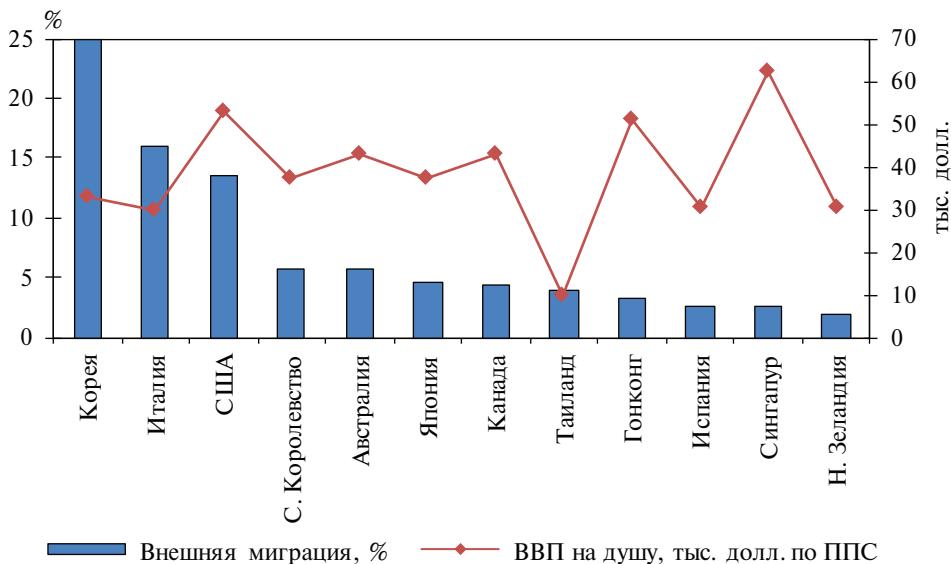

Рис. 12. Структура иммигрантов из КНР по странам (1990—2013 гг.) и среднедушевой ВВП по ППС стран проживания китайских мигрантов (2013 г.).

Рассчитано по: [28; 40]

Европейского союза (ЕС) и Новая Зеландия. Это объясняется тем, что размер ВВП на душу населения по паритету покупательной способности (ППС) указанных стран значительно превосходит аналогичный показатель по Китаю, который к 2013 г. составил 9,8 тыс. долл. Ввиду наращивания производственной, а также торговой и инвестиционной кооперации Китая с развивающимися странами Азии, наблюдалось присутствие китайских мигрантов в Бангладеш, Таиланде и Индонезии [45]. Доля России в численности иммигрантов из Китая невысока — 0,6%; также китайская диаспора в России по историческим причинам является малочисленной (рис. 12).

Согласно некоторым оценкам, при сохранении тенденции роста национальной экономики, и соответственно увеличения среднедушевых доходов, общее количество иммигрантов из КНР может значительно

сократиться. При этом времененная миграция из Китая, с целью получения образования за рубежом, может возрасти [19].

Если говорить о числе мигрантов из Китая за рубеж в 2010—2013 гг., то их увеличение складывалось за счёт перемещения китайских граждан в страны Восточной Азии (Республика Корея и Япония), а также в страны ЕС, США и Австралию (рис. 13).

Размер ВВП на душу по ППС данных стран, за исключением Таиланда, превосходил аналогичный показатель по КНР. В 2010—2013 гг. наблюдался отток китайского населения из России в размере 0,7 тыс. чел.

Таким образом, китайская внешняя миграция значительно уступает по своим размерам миграции внутренней. Главный вектор миграции из Китая направлен на развитые страны, уровень жизни в которых значительно превосходит китайский. В качестве последней тенденции возможно отметить временную производственную миграцию китайского населения в развивающиеся страны Южной и Юго-Восточной Азии.

4. МИГРАЦИЯ В РОССИЮ КИТАЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ: РЕАЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Россия является одной из крупнейших стран по привлечению мигрантов из-за рубежа и входит в группу из двенадцати основных стран, активно импортирующих международных мигрантов, в которую, помимо Российской Федерации, входят США, некоторые страны Персидского

залива и ЕС, Австралия и Индия. В 1990—2013 гг. данные страны аккумулировали почти 60% мигрантов мира. Основной страной притяжения иностранных мигрантов уже долгое время являются США, на которые приходилось 45,8 млн человек — 19,8% всей межстрановой миграции. Россия, несмотря на некоторое сокращение численности международных мигрантов, занимала второе место после США в мире по этому показателю, с долей в 4,8% и численностью в 11,1 млн чел. (рис. 14).

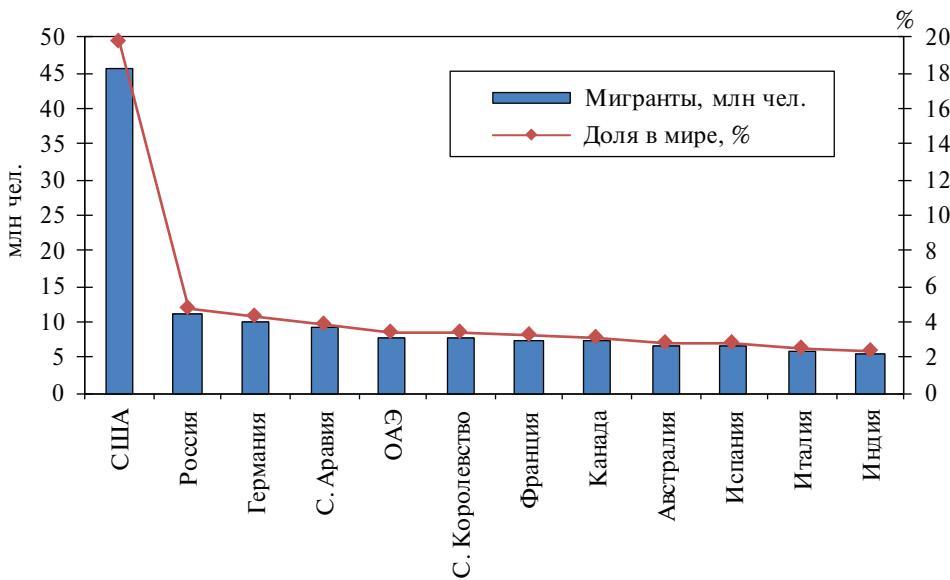

Рис. 14. Ведущие страны мира по привлечению мигрантов из-за рубежа, 1990—2013 гг. Рассчитано по: [40]

Традиционно основную долю привлечённых из-за рубежа мигрантов в России формируют выходцы из стран бывшего Советского Союза (рис. 15).

Доля международных мигрантов в Россию из стран постсоветского пространства в 1990—2013 гг. составляла 96,5%, вероятно, по причине возвращения бывших соотечественников на российскую территорию, а также по линии трудовой миграции, благодаря наличию особого административного регламента предоставления рабочих мест гражданам стран СНГ. Почти 60,0% численности международных мигрантов в Россию приходилось на три страны СНГ: Украину, Казахстан и Узбекистан. Количество граждан Китая в России в 1990—2013 гг. составило 54,4 тыс. чел. с долей в 0,5% от численности международных мигрантов.

В 2013 г. размер среднедушевого ВВП по ППС России составлял 18 тыс. долл. и был гораздо выше, чем у большинства стран СНГ и Грузии. Только среднедушевой ВВП по ППС Беларуси и Казахстана приблизились к российскому показателю, что отражается в сокращении миграции

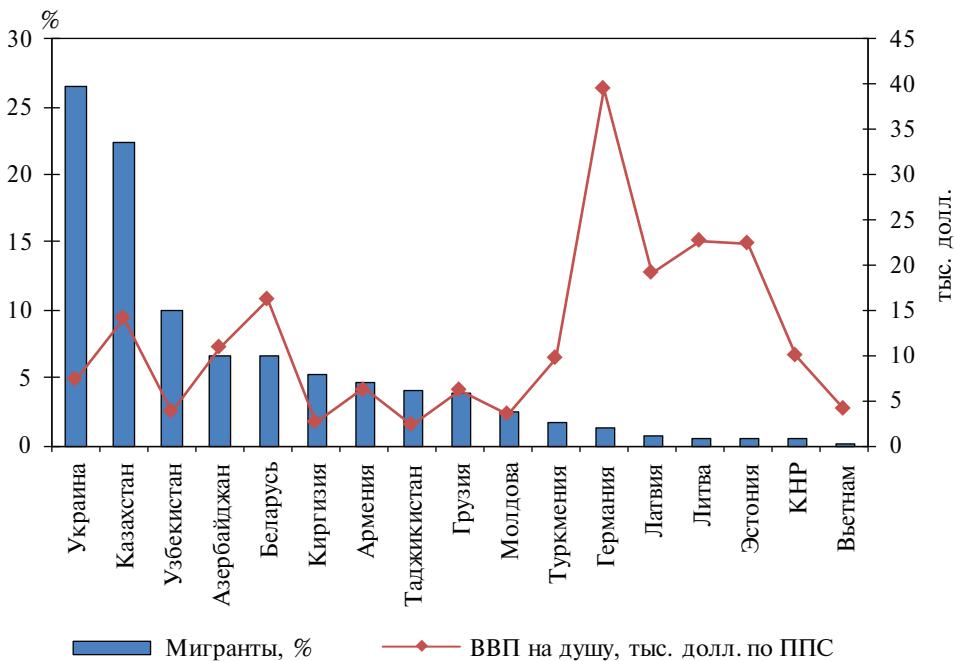

Рис. 15. Структура мигрантов в Россию по странам (1990—2013 гг.) и среднедушевой ВВП по ППС стран въезда мигрантов, 2013 г.

Рассчитано по: [28; 40]

в Россию из данных стран. Страны Балтии имеют среднедушевой ВВП по ППС немногим больше российского, а Германия превосходит его в два раза. Наличие мигрантов из Германии объясняется углублением двусторонних производственных связей и соответственно привлечением инженерных кадров в Россию. Миграция из балтийских государств носит узкоспециализированный производственный характер, а также формируется за счёт возвращения бывших соотечественников на российскую территорию.

Размер среднедушевого ВВП по ППС Китая превосходит аналогичный показатель практически по всем странам бывшего СССР: Туркмении, Украины, Армении, Грузии, Молдовы, Киргизии, Узбекистана и Таджикистана. Российское направление для китайских мигрантов теряет свою привлекательность, что выражается в их оттоке из России. Это объясняется значительным отрывом российского ВВП на душу по ППС от развитых стран, ростом расходов на проживание, малой китайской диаспорой, снижением рейтинга отечественных вузов, спецификой структуры экономики.

Если рассматривать изменение миграции в Россию за 2010—2013 гг., то, согласно статистике ООН, происходит сокращение мигрантов в российском направлении (рис. 16).

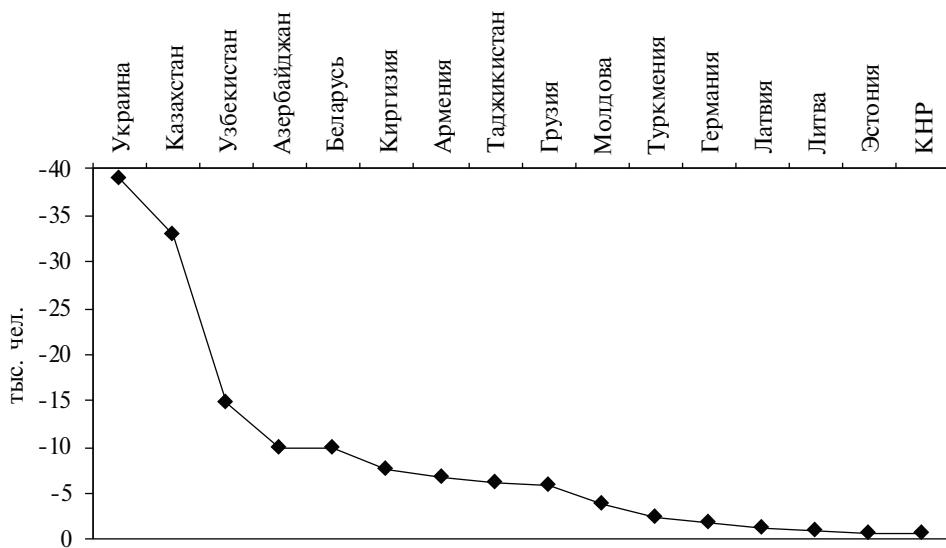

Рис. 16. Сокращение численности эмигрантов в Россию по странам в 2013 г. по сравнению с 2010 г. Рассчитано по: [40]

В 2013 г. по сравнению с 2010 г. наблюдается сокращение численности эмигрантов в размере 147 тыс. чел., главным образом за счёт выходцев из Украины, Казахстана, Узбекистана и Азербайджана. Объяснениями данного обстоятельства являются: рост среднедушевого ВВП по ППС в Казахстане и Азербайджане, что способствует оттоку граждан данных стран из России; особенности статистического учёта, согласно которому временное население (преимущественно из стран СНГ) перестаёт быть мигрантами при получении российского гражданства, не выезжая за пределы Российской Федерации.

Китайские мигранты занимают специфическую нишу на рынке труда России, а именно в торговле, общепите и строительстве. Массовая миграция дешёвой рабочей силы в Россию из КНР представляется маловероятной по следующим причинам: рост заработных плат в Китае (соотношение среднемесячных заработных плат в КНР (по городам) и в России в 2011 г. составляло 1:1,2); наличие устоявшихся миграционных потоков внутри Китая в приморские агломерации; сложность трудоустройства в России по причине административных ограничений; конкуренция со стороны русскоязычных мигрантов из стран бывшего Советского Союза и более дешёвой рабочей силы из других стран. Кроме того, в России потребность в неквалифицированной дешёвой рабочей силе уже достигает своих пределов, а спрос на квалифицированную рабочую силу является довольно специфичным и формируется через механизмы глобального рынка труда на уровне корпоративного сектора.

Несмотря на тесные двусторонние экономические связи, привлечение китайской рабочей силы в Россию остаётся до сих пор довольно скромным. Более того, по причине высоких затрат на проживание Россия не пользуется значительным спросом у мигрантов из КНР.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Китай переходит в качественно другое состояние — от избытка трудовой силы к её сокращению. Сочетание процесса урбанизации с политической ограничения рождаемости способствует старению китайского населения, удорожанию рабочей силы, её дефициту в ряде отраслей, росту её качественных характеристик, что отражается в увеличении выпускников высших учебных заведений.

Межрегиональная миграция является одним из главных источников высоких темпов роста китайской экономики, а также роста благосостояния китайского населения. Главным вектором межрегиональной миграции является перемещение из внутренних регионов в приморские провинции — экспортную базу Китая. В КНР складывается дефицит на дешёвую молодую рабочую силу. Из-за её истощения в сельских районах КНР в перспективе следует ожидать сокращение внутренней миграции в Китае, а также импорт дешёвой рабочей силы из развивающихся азиатских стран в крупнейшие китайские приморские агломерации.

Китайская внешняя миграция значительно уступает по своим размерам миграции внутренней. Мигранты из КНР в основной своей массе предпочитают развитые страны, уровень жизни которых значительно превосходит китайский. В качестве одной из последних тенденций можно отметить временную производственную миграцию китайского населения в развивающиеся страны. Российское направление для китайских мигрантов не является приоритетным и продолжает терять свою привлекательность, что выражается в их оттоке из России и объясняется значительным отрывом российского ВВП на душу по ППС от развитых стран, а также ростом благосостояния населения в КНР. В долгосрочном периоде массовая миграция китайского населения в Россию будет сдерживаться следующими факторами: ростом заработных плат в КНР по сравнению с Россией; наличием устоявшихся миграционных потоков внутри Китая в приморские агломерации, уровень развития которых вплотную приблизился к развитым странам; ограничением для масштабного трудоустройства на российской территории по причине специфики структуры российской экономики; ростом расходов на проживание в России; снижением интереса в получении образования в российских высших учебных заведениях; конкуренцией со стороны мигрантов из стран СНГ и дешёвой рабочей силы из других стран. По этим причинам в долгосрочном периоде массовая миграция китайского населения в Россию представляется маловероятной.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Демьяненко А.Н., Изотов Д.А. Территориальная организация экономики КНР и проблема экономического районирования // Пространственная экономика. 2008. № 1. С. 43–61.
2. Зайончковская Ж.А. Без китайцев Дальнему Востоку не обойтись // Известия. 2005. 21 дек.
3. Изотов Д.А. Внешняя торговля зон с льготным режимом КНР // Экономика региона. 2013. № 1. С. 123–132.
4. Изотов Д.А., Кучерявенко В.Е. Северо-Восток Китая в условиях реализации Плана возрождения экономики // Пространственная экономика. 2009. № 2. С. 140–158.
5. Ларин В.Л. Китай и Дальний Восток России в первой половине 90-х: проблемы регионального взаимодействия. Владивосток: Дальнаука, 1998. 284 с.
6. Мотрич Е.Л. Население Дальнего Востока России / Е.Л. Мотрич; отв. ред. П.А. Минакир; Рос. акад. наук, Дальневост. отд.-ние, Ин-т экон. исследований. Владивосток — Хабаровск: ДВО РАН, 2006. 224 с.
7. 232 million international migrants living abroad worldwide—new UN global migration statistics reveal. URL: http://esa.un.org/unmigration/documents/UNpressrelease_Intl_MigrationFigures_11September2013.pdf
8. Bosker M., Brakman S., Garretsen H., Schramm M. Relaxing Hukou: Increased labor mobility and China's economic geography // Journal of Urban Economics. 2012. Vol. 72. Pp. 252–266.
9. CEIC Data. URL: <http://www.ceicdata.com/>
10. Chan K.W. China, Internal Migration. Forthcoming in Immanuel Ness and Peter Bellwood (eds.) The Encyclopedia of Global Migration, Blackwell Publishing.
11. Chan K.W. Crossing the 50 percent population Rubicon: Can China urbanize to prosperity? // Eurasian Geography and Economics. 2012. Vol. 53. № 1. Pp. 63–86.
12. Chan K.W. Fundamentals of China's Urbanization and Policy // The China Review. 2010. Vol. 10. № 1. Pp. 63–94.
13. Chan K.W. Migration and development in China: trends, geography and current issues // Migration and Development. 2012. Vol. 1. № 2. Pp. 191–200.
14. Chan K.W. The Global Financial Crisis and Migrant Workers in China: 'There is No Future as a Labourer; Returning to the Village has No Meaning' // International Journal of Urban and Regional Research. 2010. Vol. 34. № 3. Pp. 659–677.
15. Chengdu's Pilot Program to Abolish the Hukou. December 9, 2010. URL: <http://www.chengduliving.com/chengdus-pilot-program-to-abolish-the-hukou/>
16. Chi W., Qian X. Regional disparity of labor's share in China: Evidence and explanation // China Economic Review. 2012. — URL: <http://dx.doi.org/10.1016/j.chieco.2012.10.004>
17. China's Aging Population to double by 2053 // China Daily, 2012.10.23. http://usa.chinadaily.com.cn/china/2012-10/23/content_15837814.htm
18. Dollar D. Globalization, poverty, and inequality since 1980 // The World Bank Research Observer. 2005. Vol. 20. Pp. 145–175.
19. Ducanes G., Abella M. Prospects for future outward migration flows: China and South-east Asia. ILO Asian Regional Programme on Governance of Labour Migration. Working Paper No.24. — URL: <http://www.ilo.org/public/libdoc/ilo/2009/432718.pdf>
20. Fan C. China on the Move: Migration, the State, and the Household. Routledge, London and New York. 2008. 210 p.
21. Fu Y., Gabriel S.A. Labor migration, human capital agglomeration and regional development in China // Regional Science and Urban Economics. 2012. Vol. 42. Pp. 473–484.
22. Ge S., Yang D.T. Labor market developments in China: A neoclassical view // China Economic Review. 2011. Vol. 22. Pp. 611–625.

23. Golley J., Meng X. Has China run out of surplus labour? // *China Economic Review*. 2011. Vol. 22. Pp. 555—572.
24. Guo Q., Li G. Distribution of individual incomes in China between 1992 and 2009 // *Physica A*. 2012. Pp. 5139—5145.
25. Harris R.G., Robertson P.E. Trade, wages and skill accumulation in the emerging giants // *Journal of International Economics*. 2012. URL: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jinteco.2012.08.011>
26. Hugo G. Economic and Social Impacts of International Migration — Key Trends and Implications. United Nations Department of Economic and Social Affairs. Population Division. Technical Paper No. 2013/8. URL: <http://www.un.org/en/development/desa/population/publications/pdf/technical/TP2013-8.pdf>
27. Index Mundi. — URL: <http://www.indexmundi.com>
28. International Monetary Fund, World Economic Outlook Database, October 2013.— URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2013/02/weodata/index.aspx>
29. Jalil A. Modeling income inequality and openness in the framework of Kuznets curve: New evidence from China // *Economic Modelling*. 2012. Vol. 29. Pp. 309—315.
30. Knight J., Deng Q., Li S. The puzzle of migrant labour shortage and rural labour surplus in China // *China Economic Review*. 2011. Vol. 22. Pp. 585—600.
31. Lee L. Decomposing wage differentials between migrant workers and urban workers in urban China's labor markets // *China Economic Review*. 2012. Vol. 23. Pp. 461—470.
32. Lewis W.A. Economic development with unlimited supplies of labour // *The Manchester School*. 1954. Vol. 22. № 2. Pp. 139—191.
33. Liao P. The one-child policy: A macroeconomic analysis // *Journal of Development Economics*. 2013. Vol. 101. Pp. 49—62.
34. Liu J. Ageing, migration and familial support in rural China // *Geoforum*. 2014. Vol. 51. Pp. 305—312.
35. Liu Q. Unemployment and labor force participation in urban China // *China Economic Review*. 2012. Vol. 23. Pp. 18—33.
36. Liu Y. Labor market matching and unemployment in urban China // *China Economic Review*. 2013. Vol. 24. Pp. 108—128.
37. Meng L. Can grain subsidies impede rural—urban migration in hinterland China? Evidence from field surveys // *China Economic Review*. 2012. Vol. 23. Pp. 729—741.
38. Ochiai E. Care diamonds and welfare regimes in east and Southeast Asian societies: bridging family and welfare sociology // *International Journal of Japanese Sociology*. 2009. Vol. 18. № 1. Pp. 60—78.
39. Shen J. Increasing internal migration in China from 1985 to 2005: Institutional versus economic drivers // *Habitat International*. 2013. Vol. 39. Pp. 1—7.
40. Trends in International Migrant Stock: Migrants by Destination and Origin. United Nations. Population Division. Department of Economic and Social Affairs. URL: <http://esa.un.org/unmigration/TIMSO2013/migrantstocks2013.htm?msdo>
41. Vendryes T. Migration constraints and development: Hukou and capital accumulation in China // *China Economic Review*. 2011. Vol. 22. Pp. 669—692.
42. Wang L., Beland D., Zhang S. Pension fairness in China // *China Economic Review*. 2014. Vol. 28. Pp. 25—36.
43. Wang X., Huang J., Zhang L., Rozelle S. The rise of migration and the fall of self employment in rural China's labor market // *China Economic Review*. 2011. Vol. 22. Pp. 573—584.
44. Xing C., Li S. Residual wage inequality in urban China, 1995—2007 // *China Economic Review*. 2012. Vol. 23. Pp. 205—222.
45. Zhang H. The role of migration in shaping China's economic relations with its main partners. MPC Research Reports 2013/07, Robert Schuman Centre for Advanced Studies, San Domenico di Fiesole (FI): European University Institute, 2013. URL: <http://www.migrationpolicycentre.eu/docs/MPC%20RR%202013%20-%2007.pdf>